

Наталья Маратовна Филатова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект 32А. E-mail: natalifilatova@yandex.ru

«Капуя» и «европейская Кострома». Варшава 1813 — 1820-х годов глазами русских

Предметом исследования в статье являются характерные особенности видения Варшавы русскими в эпоху Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. и создания в 1815 г. польского государства под эгидой России. Основным материалом служат эго-документы. Использованы дневники, путевые заметки, воспоминания военных, проходивших через польские земли в 1813–1815 гг., а также тех, кто остался в Царстве Польском или прибыл туда служить после 1815 г. Среди последних — офицеры из расквартированных в Варшаве российских гвардейских полков, вверенных, как и польская армия, командованию великого князя Константина Павловича, и гражданские лица (в первую очередь князь П. А. Вяземский, служивший в канцелярии императорского представителя при правительстве Царства Польского Н. Н. Новосильцева). Дополняют картину путеводители, опубликованные в 1818–1822 гг. на русском языке и отразившие официальный образ процветающей Варшавы. В центре внимания — описания Варшавы, ее сравнение с другими польскими городами, соотнесение впечатлений о польской столице с общими представлениями о Польше. Наиболее примечательны связанные с Варшавой исторические сенсации о прошлом Польши и русско-польских отношениях. Прослеживается связь картин преобразования Варшавы с последующими устоявшимися суждениями о благоденствии поляков под скипетром Александра I. Показателен также взгляд на город сквозь призму личного опыта и собственной биографии. Наиболее отчетливо в связи с этим просматриваются темы просветительской роли столицы, а также Варшавы как центра развлечений и приятного времяпрепровождения. Варшава притягивала и отталкивала русских в зависимости от степени инкорпорации в местную жизнь. Так, П. А. Вяземский, сначала пренебрежительно назвав Варшаву «европейской Костромой», по мере сближения с образованным польским обществом стал оценивать ее более высоко.

Ключевые слова: Варшава, Герцогство Варшавское (1807–1815 гг.), Царство Польское (1815–1830 гг.), российско-польские отношения в XIX в., эго-документы, русская мемуаристика, Ф. Н. Глинка, П. А. Вяземский

Статья поступила в редакцию: 15 мая 2025 г.

Статья принята к публикации: 24 июня 2025 г.

Цитирование: Филатова Н.М. «Капуя» и «европейская Кострома». Варшава 1813 — 1820-х годов глазами русских // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 13–41. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.1>

Особое место в изучении представлений русских и поляков друг о друге занимают исторические исследования, связанные с анализом эго-документов, иначе говоря, дневников, воспоминаний, переписки и других документов личного происхождения. Для историка потенциал эго-документов трудно переоценить.

С одной стороны, они часто повторяют те же самые оценки и комментарии, тиражируя общепринятые стереотипы. <...> С другой — источники личного происхождения связаны с повседневностью, с сугубо личным опытом и отражают спонтанную индивидуальную реакцию на увиденное и пережитое¹.

Среди непосредственно относящихся к исследуемому нами периоду российско-польских отношений и опирающихся на эго-документы отметим работы российских и польских исследователей О.С. Каштановой, Г.В. Макаровой, М. Кулика, а также автора настоящей статьи².

Избрав объектом исследования образ Варшавы в глазах русских, мы руководствовались историческим подходом, вычленив переломную и для судьбы самой Варшавы, и для российско-польских отношений эпоху³. Этим наш подход отличается, в частности, от работ И.И. Свириды, рассматривавшей тему «Варшава глазами русских», во-первых, обобщенно (XVII–XX вв.), а во-вторых, сквозь призму искусства и художественных впечатлений⁴.

Ниже мы обратимся к ракурсам и контекстам видения Варшавы русскими во время Заграничного похода русской армии

¹ Филатова 2018: 36.

² Каштанова 2008; Макарова 2010; Филатова 2010; Kulik 2014.

³ Интересующему нас периоду посвящена, в частности, статья А.Р. Соколова (Соколов 2018). Данная работа фокусируется в основном на польской политике Александра I накануне официального создания Царства Польского и ее ключевых фигурах, связанных с управленческим аппаратом завоеванного Герцогства Варшавского.

⁴ Свирида 2002a; Свирида 2002b.

1813–1814 гг. и после создания в 1815 г. Царства Польского. В это время Варшава стала для них знаковым местом, ведь именно с ней, с изменением ее облика ассоциировалась польская политика России. На основании дневников, путевых заметок, воспоминаний мы выделим характерные черты сложившегося под их пером образа польской столицы.

Авторство значительной части эго-документов, касающихся особенностей восприятия Варшавы, принадлежит участникам Заграничного похода. Преследуя армию Наполеона, русские войска в январе 1813 г. вступили в Герцогство Варшавское и заняли его. В 1813–1815 гг. они постоянно квартировали на территории будущего Царства Польского, а кроме того, их части двигались через польские земли — сначала, зимой 1813 г., на запад, на Париж, а осенью 1814 г. — обратно на родину.

Выделяя общее и особенное в видении столичного польского города мемуаристами, отметим, что в статье использованы свидетельства образованных представителей офицерского корпуса, так или иначе проявивших себя на литературном поприще. Однако их корпоративная принадлежность и общность ситуации, в которой они оказались, позволяют объединить их высказывания как отражающие взгляды определенного социального слоя.

В целом для свидетельств, оставленных русскими офицерами и относящихся к этому времени, характерны впечатления о мрачности и запущенности Варшавы, сравнения (не в ее пользу) с польскими городами, более подвергшимися прусскому влиянию. Авторы вспоминали — в сугубо патриотическом ключе — о покорении Праги (варшавского предместья) Суворовым, а также выражали связанные с Варшавой суждения о прошлом Польши и русско-польских отношениях. Любопытно предпочтение Варшаве немецких городов, а также польских, ранее отошедших к Пруссии. Безусловно, здесь сказывались и вкусовые пристрастия.

Писатель-романист, известный современникам не только произведениями на исторические темы, но и военными мемуарами, Иван Иванович Лажечников (1792–1869), например, продвигаясь от Плоцка к Калишу в феврале 1813 г., отметил:

Чем ближе к Германии, тем чаще видим хорошие города. Искусство, трудолюбие и вкус, которые старалось ввести в них прусское

правительство в то время, когда они ему принадлежали, не успели еще в них совершенно исчезнуть⁵.

Его сравнение Познани и Варшавы явно не в пользу последней:

Уверяют, что Варшава обширнее, величественнее и многолюднее; но Познань красивее и правильнее. Неудивительно: прежняя столица Польши, нося на себе печать древнего ее великолетия и могущества, означена притом мрачным клеймом политических неурядиц, столько лет ее терзавших. Познань, недавно ожив попечениями благодетельного прусского правления, каждый день более и более украшаясь и обогащаясь, дышит свежестью и красотой весны своей. Первую можно сравнить с важной старушкой, горюющей в мраморных своих палатах о потерянном венце и прошедшей славе; второго уподобить можно прекрасному юноше, с улыбкой зовущему вас любоваться миловидными зданиями и садами, которых он счастливый обладатель. Хвала и честь правлению прусскому! Ему обязан Познань (как и все польские города, бывшие в управлении у пруссаков) нынешним цветущим своим состоянием⁶.

Правда, в этом месте записок присутствовало примечание, помеченное 1820 г. и гласящее: «С окончанием войны все переменялось. Варшава процветает ныне под благодетельным владычеством российского монарха»⁷.

Подобные оценки, в которых личные впечатления переплетаются с уже устоявшимися к началу войны стереотипами, характерны и для литератора и мемуариста Андрея Федосеевича Раевского (1794–1822). Въезжая в город, а затем гуляя по Варшаве, он рассуждал о нелюбви поляков к русским, о неверном их представлении о русских как о варварах. Неказистый в его глазах вид польской столицы подтверждал, что сами поляки вовсе не стоят на высшей ступени просвещения:

Напрасно взоры мои искали картины величественной, необыкновенной — ни с которой стороны столица Польши не восхищает зрения: длинный, беспорядочный ряд кровель, большей частью черепичных, и изредка мелькающие верхи храмов не имеют ничего прелестного.

⁵ Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М.: Кучково поле, 2013 (1-е изд.: СПб., 1820). С. 72.

⁶ Там же. С. 75–76.

⁷ Там же. С. 76.

Только от Праги, лежа на высоком берегу Вислы, вид ее несколько разнообразнее, но грязные улицы и почерневшие от времени и небрежения стены прибрежных зданий ослабляют первое приятное впечатление. <...> Я видел две-три изрядные, но не великолепные улицы, видел несколько огромных чертогов, впрочем, везде тесноту и неопрятность, — нет даже и следов изящной архитектуры. Невольно пожалел я о бедных поляках, которые называют (или, по крайней мере, называли) нас варварами⁸.

Варшава также навевала Раевскому скорее раздумья о восстании Костюшко, нежели о войне 1812 г. Так, проходя по мосту в варшавской Праге, он преисполняется «великими и ужасными» воспоминаниями. Андрей Федосеевич мысленно возвращается в ту ночь, «когда ложный патриотизм заставил поляков забыть все права гостеприимства, совести и человеколюбия, когда сами женщины почитали славою убить безоружного, сонного воина». Припомнилась ему и «мстительная рука Суворова», которая сокрушила «грозный <...> оплот Варшавы». И не без злопамятства Раевский заключает: «Теперь Прага, которая, как уверяют, была некогда красива и великолепна, не стоит даже названия хорошего селения». Раевский также искал, хотя и безуспешно, место, «где был похоронен некогда несчастный царь Василий Иванович Шуйский, умерщвленный насильственно вместе с братьями своими в темницах Варшавы»⁹.

⁸ Раевский А. Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М.: Кучково поле, 2013 (1-е изд.: М., 1822). С. 20.

⁹ Там же. С. 25. Русский царь Василий IV Иванович Шуйский (правивший с 1606 по 1610 г.) вместе с братьями Дмитрием и Иваном в результате событий Смутного времени в 1610 г. был пленен поляками. Вынужденные принести присягу польскому королю Сигизмунду III, они были заключены в Гостынский замок, находящийся более чем в 100 км от Варшавы. Там Василий Шуйский и его брат Дмитрий скончались в сентябре 1612 г. и там же были захоронены. В 1620 г. Сигизмунд III инициировал перезахоронение праха русского царя в специально построенной для этого «Московской каплице» (часовне) в центре Варшавы. «Московская часовня» должна была увековечить победы польского оружия. Но уже в 1635 г. царь Михаил Федорович Романов добился выдачи останков Шуйских. Умерший в плену царь нашел последнее упокоение в Архангельском соборе Московского Кремля. Что же касается «Московской часовни» в Варшаве — она пришла в упадок и, вероятно, постепенно разрушилась, а в 1820 г. на этом месте по инициативе польского ученого и государственного деятеля Станислава Сташица начало строиться здание Общества друзей науки (ныне резиденция Польской академии наук). О символическом значении места бывшего захоронения Василия Шуйского см.: Болтунова 2022: 408–414, 434–435.

В целом, по мнению мемуариста:

Нигде почти не видно памятников славы и просвещения. С скромный обелиск Сигизмунда украшает тесную, неопрятную площадь, называемую Краковским предместьем. Впрочем, нет никаких богатств народных, достойных удивления и любопытства путешественников. Все полезные заведения по большей части суть частные. Театр довольно хорош, но труппа актеров в распоряжении вольного содержателя Богуславского, который вместе и актер, и сочинитель. Но часто случается, что труппа эта, отправляясь в другие города Польши, лишает на несколько времени столицу и сего невинного удовольствия. Сады Саксонский и Красинского суть единственные гулянья в Варшаве. Первый довольно обширен и расположен со вкусом, второй весьма тесен и заключается только в нескольких аллеях¹⁰.

Интересно, что подобное впечатление исторический центр Варшавы произвел и на приехавшего туда служить в 1818 г. князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), поэта, впоследствии близкого друга А. С. Пушкина. 3 апреля 1818 г. он написал своему постоянному адресату, историку, публицисту, в то время возглавлявшему департамент в Министерстве духовных дел и просвещения, Александру Ивановичу Тургеневу (1784–1845), что нашел для себя и семьи квартиру «на Краковском предместьи: из спальни видим через узкую улицу Вислу, а из гостиной — площадь, на которой торчит Сигизмунд III, и точно торчит: колонна высокая, а статуя крошечная». Правда, признал литератор: «Таким образом окружены мы историей и поэзией»¹¹.

Промежуточным по жанру между путевыми заметками и специально составленным кратким обзором земель, вошедших в состав Царства Польского в 1815 г., является сочинение П. Копыского¹². В нем отмечены даты пребывания в тех или иных польских городах, по большей части провинциальных. В конце автор дал характеристику устройства и других частей Польши, определенных Венским конгрессом.

Описывая возвращение в Россию из Царства Польского в 1815 г., Копыский начинал с Калиша, который вошел в состав Царства

¹⁰ Раевский А. Ф. Воспоминания. С. 24.

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских / под ред. и с примечаниями В. И. Сантова. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899–1913. Т. 1. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. СПб., 1899. С. 96–97.

¹² Копыский П. Путевые заметки в проезд Польши или Царства Польского 1815 года. СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1817.

Польского (граница с Великим Герцогством Познанским, отошедшим к Пруссии, проходила в трех милях от него). Автор заметок особо отметил калишский кадетский корпус, который в 1813 г. «служил квартирой Государя Императора». В духе официальной риторики того времени он добавил:

Жители почитают то время достопамятной для себя эпохой. Великодушные и кротость победителя и освободителя Европы (Александра I. — *Н. Ф.*) сколько изумляют, столько и восхищают их. Самое даже воспоминание о том есть сладостнейшее и восхитительнейшее в их жизни¹³.

Пребывание в Варшаве также вызывало у Копыского склонность к историческим реминисценциям:

Вот тот древний город, который в политическом его бытии испытал, подобно стоящему на высоте дереву, все волнения и бури, который в продолжении многих веков видел посреди себя все ужасы сеймовых мятежей, колебавших и возмущавших спокойствие целой республики, который за 22 года пред сим меч бессмертного Суворова покорил стопам Великой Екатерины и который в 1813 году вновь пал под победоносным оружием Александра.

Город также не произвел на него особого эстетического впечатления:

Улиц в нем вообще немного красивых, равно как и домов, которых бы наружность поражала блеском и великолепием <...>. Палац, или дворец прежних королей польских, составляют дома в разные времена пристроеваемые один к другому. От чего он довольно огромен, но затеснен отовсюду строениями так, что не показывает снаружи никакого признака великолепного жилища царей¹⁴.

То же относится и к берегам Вислы,

[Н]а которых бы могла устроена быть прекрасная набережная с великолепными домами, покрыты одними бедными хижинами, тесными и грязными улицами или, одним словом, по ним расположены жидовские дома! Не видно также, чтоб изобильные воды широкой

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 18–19.

Вислы пересекались лодками, барками, галиотами. Промышленность поляков как будто бы в сильной вражде с влажной стихией. Сия опасность происходит действительно от того, что торговля без всякого движения¹⁵.

Облик Варшавы иллюстрировал мысли автора о роли России в истории Польши. Саксонский дворец напомнил Копыскому о пребывании у власти саксонских курфюрстов: польских королей Августа II (1697–1704, 1706–1733 гг.), который был повторно возведен на престол Петром Великим, и Августа III (1734–1763 гг.), после которого «в 1764 г. сильное влияние России и Пруссии на сейме содействовало к избранию короля из древней фамилии Пястов, Станислава Августа Понятовского, с которым кончилось бытие Польского Королевства»¹⁶. Прага, с «остатками шанцев и редутов», — о славе «Героя Рымнического». Вид Праги побуждал автора напомнить читателю ход событий 1794 г., в результате которых Королевство Польское перестало существовать. При этом он упомянул о «беспокойном духе» и «жестоком возмущении» недовольных, «в котором вероломство поляков обнаружилось в самой высшей степени на истребление российских войск, спокойно расположенных квартирами в Варшаве»¹⁷.

Интересно, что при этом практически никто из рассматриваемых в статье авторов не касался недавнего участия польского корпуса в наполеоновском походе на Россию, не писал о поляках в Москве. Видимо, память о триумфе русского оружия и ассоциации с ним польской столицы перевешивали.

Национальному составу жителей и, прежде всего, преобладанию еврейского населения уделили внимание большинство авторов. Копыский, например, обозревая маленькие польские города, отметил наличие там еврейских кварталов. Так, Ленчица, как и Сохачев, «населена не столько поляками, сколько жидами»¹⁸. В Плоцке, по его словам, дома еврейского населения стоят отдельно и «составляют как бы особенную часть города». Однако впечатление на автора записок они произвели сугубо негативное: «Рассматривая во всяком месте их жилища, подумаешь, что враги христианства так же присяжные враги

¹⁵ Копыской П. Путевые заметки. С. 20–21.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 22–23.

¹⁸ Там же. С. 11.

и чистоты домашней жизни»¹⁹. Присутствие еврейского населения, по мнению Копыского, стало причиной упадка торговли и производства в Герцогстве Варшавском. «По той стороне Вислы и Варшавы, прилежащей к Пруссии и Австрии», он отметил большее благоустройство и развитие промышленности, связывая это с присутствием там немцев, в то время как в Варшаве больше «празднолюбивых и обманчивых жидов»²⁰. Того же мнения придерживалась в воспоминаниях княгиня Надежда Ивановна Голицына (1796–1868):

До восстановления Царства Польского страна эта была в самом плачевном состоянии, а Варшава была переполнена евреями. (Всем известен образ жизни этих израильтян, преданных старине и несущих с собой, вместе со своими своеобразными привычками и одеждой, грязь и запах, происхождение которых, вероятно, следует отнести еще ко временам пленения египетского.)²¹

Оригинальностью отличаются заметки поэта, публициста, будущего участника декабристских обществ Федора Николаевича Глинки (1786–1880), названного исследователями его творчества одним из создателей «поэтической географии»²². Автор «Писем русского офицера», частично состоящих из дневниковых записей, подробно описал продвижение русской армии через польские земли. Польская тема присутствовала в них в романтических красках.

Варшава стала в «Письмах русского офицера» предметом проникновенных и возвышенных раздумий. Восхищался Глинка тем, что обычно отмечалось соотечественниками как одна из «незаслуженных» милостей российского императора по отношению к полякам: по велению Александра I Варшава, мирно сдавшаяся русским, была освобождена от постоя русских войск. Они расположились в окрестных селениях. Глинка прочувственно описал «покорение» Варшавы, заключавшееся в мирной передаче ключей от города и поднесении хлеба и соли городскими властями генералу Михаилу Андреевичу Милорадовичу 26 января 1813 г. (по ст. стилю). Недоступная Варшава

¹⁹ Там же. С. 29–30.

²⁰ Там же. С. 25.

²¹ *Голицына Н.И.* Воспоминания // *Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 гг.* / вступ. статья, составление В.М. Боковой, Н.М. Филатовой. М.: НЛО, 2005. С. 63.

²² Серков, Удерецкий 1985: 5.

(«Офицеры наши не иначе могут въезжать в Варшаву, как по билетам, и то со строжайшим запрещением в ней ночевать»²³), об отдыхе в которой мечтали изнуренные походом воины, приобрела ореол чего-то недостижимого и необыкновенно привлекательного:

Как приятно успокоиться в большом роскошном городе, в светлых домах, в обществе людей, где цветут еще приятные искусства, где после шума ветров и свиста пуль можно услышать прелестный голос женщины или очаровательные звуки музыки!²⁴

Мотив наслаждений применительно к Варшаве не раз использовался русскими мемуаристами. На репутацию польской столицы как города удовольствий обратила внимание И. И. Свирида, назвав этот мотив «гедонистическим топосом»²⁵.

Глинка отметил, что русские воинские отряды описывали близ Варшавы дугу, переходя из одного места в другое, но не вступая в город. Их надежды на отдых в Варшаве оказались напрасными: «Растаться с Варшавой, не насладясь ее удовольствиями: это все равно, что в жаркий день только прикусать воды из студеного колодца и, не утоляя палящей жажды, идти далее в знойный путь»²⁶. По этому поводу Глинка рассуждал:

Понимаю, для чего не оставляют войск в Варшаве. Она могла бы служить для нас тем, что Капуя для Аннибаловых²⁷. Прекрасные трактиры, театр, лазенки и всякого рода удовольствия могли бы очаровать, разнежить закаленных в боях и заставить их забыть, что война не окончилась; ибо Европа еще не спасена!²⁸

²³ Цитируется по изданию: *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г.: В 5 ч. / писана Федором Глинкой. [Печ. с изд. 1815 г. без перемен]. М.: типография «Русского», 1870. С. 86.

²⁴ Там же. С. 81.

²⁵ См.: Свирида 2002b.

²⁶ *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше. С. 85.

²⁷ Сравнение Варшавы с итальянским городом Капуя восходит к Титу Ливию, описавшему эпизод Второй Пунической войны между Карфагеном и Римской республикой, когда карфагенский полководец Ганнибал оставил войска в Капуе на зимовку. Результатом стало моральное разложение: солдат погубили удобства и неумеренные наслаждения. От прежней дисциплины не осталось и следа. Во французском языке даже существует выражение «капуанская нега», означающее удовольствия и расслабление.

²⁸ *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше. С. 88–89.

Тайное желание увидеть хоть издали столицу Польши возбуждало любопытство писателя. При этом воображение воина-победителя не во всем было оригинально: оно также «заглядывало в Прагу, искало следов великого Суворова, носилось над Вислой и любовалось великолепной мрачностью столицы»²⁹.

Сам Глинка тем не менее Варшаву посетил. Его поразили театр с ложами в пять ярусов и лазенки (то есть бани), роскошь купания в которых он подробно описал. Театр, по мнению Глинки, оказался бы «довольно велик для всякого другого города, кроме Варшавы: она столица». Что касается варшавских костелов, то они, по его словам, «извне огромны, высоки, но мрачны; внутри красивы и богаты. Церковное служение здесь пышно и затейливо; музыка сильно действует на чувства»³⁰.

Как и большинство мемуаристов, он отметил благоприятный климат и зеленое убранство Варшавы весной и летом: «Обширный, садами окруженный и гуляньями наполненный город. Летом может она назваться цветущею». С другой стороны, он видел ущерб, который нанесли Варшаве войны:

Есть много огромных палат, дворцов; но мало таких, которых бы наружность поражала блеском и великолепием. Следы времени не заглаживаются здесь старанием людей. Одно только мирное время сзывает искусства для украшения и обновы городов; а Варшава с давних уже лет, как древо на высокой скале, была жертвой бурей и непогод³¹.

В упадке города Глинка усматривал вину Наполеона. По его мнению, под правлением Пруссии в Польше процветала торговля и «Варшава благоденствовала». Наполеон же «задушил» торговлю своим «раздором с Англией». Особенно писателя удручала запущенность Вислы, которую он сравнивал с Невой:

Висла прекрасная, широкая река, не уже Невы. Жаль, что жители Варшавы менее всего занимались ею. Если б берега сей реки одеты были камнем, как в Петербурге, если б какой-нибудь волшебник, собрав все лучшие 4-этажные дома, рассеянные по всему городу между лачужек и грязных переулков, выдвинул их на набережную; если б высокие

²⁹ Там же. С. 82.

³⁰ Там же. С. 89, 92.

³¹ Там же. С. 87.

холмы, на одном конце Варшавы лежащие, украсились хорошими строениями и садами: то Варшава была бы одним из первейших городов в свете! Если б Висла, как Волга и Нева, покрыта была торговыми лодками, барками и галиотами, то Польша была бы счастлива³².

Однако в более поздних свидетельствах современников появляются картины чудесного преобразования Варшавы. Здесь уместно упомянуть источники другого жанра: путеводители, адресованные русскому читателю. В одном из них Царству Польскому отведен лишь небольшой раздел³³, другой — авторства Юзефа Красиньского, переведен Д. И. Языковым с французского³⁴. Его фрагменты, посвященные описанию Кракова и Варшавы, публиковались перед выходом из печати всей книги в издании «Новости литературы»³⁵. Характерно, что в предисловии к переводу Д. И. Языков отмечает нехватку публикаций на русском языке «того, что относится до географии и статистики Царства Польского». Эту лауну, свидетельствующую о восприятии польских земель как чего-то далекого и малоизвестного, отмечали и другие современники. Так, П. А. Вяземский, уже получив назначение в Варшаву, осенью 1817 г. писал А. И. Тургеневу:

У тебя архив всякой дряни: нет ли каких-нибудь учебных польских книг и вообще относящихся к истории польской и Польше? Я стал учиться польскому языку, но ни у меня, ни в Москве нет ничего польского³⁶.

В путеводителе Красиньского подробно перечислены все заслуживающие внимания гражданские здания и костелы Варшавы,

³² Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше. С. 90.

³³ Пядышев В. П. Путеводитель по всей Российской империи и Царству Польскому. СПб.: Печ. в тип. А. Плюшара, 1818–1820. (Ч. 1–3).

³⁴ [Красинский Ю. В.] Спутник в Царство Польское и в Республику Краковскую / [пер. Д. И. Языков]. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1822. (Guide du Voyageur en Pologne et dans la republique de Cracovie. Varsovie: N. Glücksberg, 1820).

³⁵ Новости литературы. Прибавления к «Русскому инвалиду» на 1822 г. Кн. 2. Изд. А. Воейковым и В. Козловым. СПб.: Военная типография Главного Штаба Его Императорского Величества, 1822. (Историческое и топографическое описание города Кракова. С. 64–73, 86–90. Историческое и топографическое описание Варшавы. С. 121–133).

³⁶ Остафьевский архив. Т. 1. С. 88.

художественные коллекции, дворцы, учебные заведения, больницы, памятники, трактиры и рестораны, места для гуляний и т.д. При возможности автор подчеркивает усовершенствования, которые имели место или намечаются правительством. Так, о Праге, «совершенно разоренной в войну 1794 года», где впоследствии «дома уступили места свои укрепления», говорится, что «нынешнее правительство занимается неутомительно новой выстройкой сего предместья по генеральному прекрасному плану»³⁷. О Королевском замке — «теперь занимаются соединением замка с Вислой посредством большого сада, который неприметным уклоном дойдет до берегов сей реки». Саксонский же парк, по словам автора, «недавно будучи отделан и украшен, сделался лучшим гульбищем в городе»³⁸.

Сообщалось о намерениях правительства воздвигнуть памятники тем, кто прославил Польшу: Копернику — посреди университетского двора и Юзефу Понятовскому на одной из варшавских площадей. При этом о последнем говорилось как о решенном деле, которое поручено скульптору Г. Торвальзону (Торвальдсену. — *Н. Ф.*) и которого уже ожидают в Варшаве³⁹.

Подытоживая очерк, автор посчитал нужным пояснить, что Польша по своему географическому положению была «оградой всей Германии». Польская история, говорилось в русском переводе, — это беспрестанные отражения «частых и гибельных нападений турок, татар, шведов и пр.», которые не давали ей возможности ни восстанавливать разрушенное, «ни помышлять о сооружении зданий и памятников, кои беспрестанно подвергались бы неминуемому разрушению»⁴⁰. Интересно, что во французском издании этой книги после шведов назывались казаки⁴¹, что указывало на русско-польские войны XVII в., которые в русском тексте не упоминались даже косвенно.

³⁷ [Красинский Ю.В.] Спутник в Царство Польское и в Республику Краковскую. С. 29–30.

³⁸ Там же. С. 32.

³⁹ См.: Там же. С. 34, 41. В действительности работа затянулась. Вокруг того, каким должен быть памятник, шли дискуссии, и работы закончились лишь в 1832 г., то есть после Ноябрьского восстания. Тогда Николай I запретил его возводить, и в результате памятник Юзефу Понятовскому был открыт лишь в 1923 г.

⁴⁰ Там же. С. 140.

⁴¹ Guide du Voyageur en Pologne et dans la republique de Cracovie. P. 89.

Автор резюмировал:

Несколько лет спокойствия и блаженства под мудрым и отеческим правлением императора Александра, Царя Польского, приметным образом начинают переменять совсем эту землю. Промышленность, художества, торговля, сделавшие уже значительные успехи, украшения и здания, воздвигаемые повсюду, служат счастливым предзнаменованием будущего благосостояния сего Царства⁴².

Варшава действительно быстро менялась. Инженер Хенрик Свѣтковский, составивший справочник домов Варшавы на 1852 г., уделил особое внимание застройке и благоустройству столицы в эпоху конституционного Царства Польского. Автор утверждал, что никогда прежде Варшава не была столь великолепной и многолюдной, а ее торговля столь процветающей. Казалось, что «взошла заря просвещения и промышленности», сулившая счастливое будущее, а город по своему облику стал вновь приближаться к первым столицам Европы⁴³.

И это запечатали воспоминания русских, находившихся там в мирный период 1815–1830 гг. Переходя к образу Варшавы в свидетельствах тех офицеров, которым довелось служить там, следует отметить, что длительность пребывания наложила определенный отпечаток на характер их высказываний. Варшава предстала под их пером местом, где протекала их повседневная жизнь, будни и праздники, складывалась карьера, завязывались отношения с местным населением, проявлялся интерес к польской культуре. При этом никуда не исчезли ни расхождения о русско-польских отношениях, ни о польской истории.

В годы конституционного Царства Польского в Варшаве находился российский гвардейский отряд, который с 1815 г. претерпел структурные изменения и к началу восстания 1830 г. состоял из лейб-гвардии Литовского, Волынского, Уланского его императорского высочества цесаревича великого князя Константина Павловича, Подольского кирасирского и Гродненского гусарского полков. Кроме гвардейских офицеров, в Варшаве в то время присутствовали офицеры, которые служили в управлении казачьих войск, охранявших

⁴² [Красинский Ю. В.] Спутник в Царство Польское и в Республику Краковскую. С. 140–141.

⁴³ *Świątkowski H.* Taryffa Domów Miasta Warszawy i Pragi z planem ogólnym i 128 szczegółowych planów. Warszawa: J. Glücksberg, 1852. S. 22–26. См. также: Majewski 2009.

государственную границу. Всего по данным на 1828 г. в Варшаве квартировало 538 российских офицеров⁴⁴. Находился там также штат двора и чиновники канцелярий цесаревича, а также служащие канцелярии императорского комиссара при правительстве Царства Польского Николая Николаевича Новосильцева (1761–1838). Среди последних в 1818–1821 гг. был упомянутый выше князь П. А. Вяземский. В канцелярии он занимался в основном переводами документов государственной важности (например, речи Александра I перед польским сеймом в 1818 г.), участвовал в разработке Государственной Уставной грамоты Российской — неосуществленного проекта российской конституции. Вяземский оставил интереснейшие свидетельства о своем пребывании в Польше в разгар «конституционного эксперимента» Александра I.

В воспоминаниях видной в то время в Царстве Польском фигуры, приближенного к великому князю Константину Павловичу капитан-командора (с 1820 г.), а впоследствии адмирала Павла Андреевича Колзакова (1779–1864) также фигурировал мотив Капуи. «Счастливая Аркадия», «новый эдем» — вот как передавал Колзаков (со слов своего сына Константина Павловича Колзакова, изложившего воспоминания отца) впечатления русских офицеров от жизни в Царстве Польском⁴⁵.

«Не запомню эпохи более счастливой в моей жизни, как пребывание мое в Варшаве с 1815 по 1830 годы. Это было какое-то тихое пристанище после продолжительной боевой и бурной жизни», — вспоминал П. А. Колзаков. По его словам, русские офицеры там «благоденствовали и отдыхали». В Варшаве их встретили «умеренный климат, дешевизна и удобства жизни, цветущее состояние края, веселое общество»⁴⁶. Будущий литератор и ученый-лексикограф Николай Петрович Макаров (1810–1890), служивший в 1820-е годы в Литовском полку, также с удовольствием вспоминал о высоком жаловании офицеров и дешевизне варшавских обедов, позволявших военным жить на широкую ногу. Варшавский военный лагерь производил на него впечатление «прелестных дач с самым здоровым, свежим воздухом»⁴⁷.

⁴⁴ Szczypiorski 1964: 132

⁴⁵ [Колзаков К. П.] Воспоминания К. П. Колзакова: русские в Царстве Польском // Русская старина. 1873. Т. 7. № 4. С. 423, 429.

⁴⁶ Там же. С. 423.

⁴⁷ Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем моя полная предсмертная исповедь. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1882. Ч. 4. С. 6, 16.

Колзаков писал о радушном приеме русских войск поляками в 1815 г., о многочисленных роскошных пирах. По его словам, «разгульная жизнь, торжества, пиры, вино и карты, — все это было в духе времени тогдашней военной молодежи». Поэтому приезд в Варшаву как нельзя более совпадал с наклонностями молодых офицеров. Колзаков свидетельствовал, что «русская военная молодежь дружилась с польскою, дух прежней вражды понемногу исчезал». Что касается самой столицы, то:

Варшава представляла тогда самый оживленный вид. Город обстраивался; эмигранты польские, получившие амнистию, возвращались толпами в свои поместья и дома. <...> Вместе с Варшавой, развивалась вся Польша и расцветала видимо, на наших глазах, с каждым годом. <...> в короткое время Польша доведена была до апогея благоустройства и могла стать на ряду с образованнейшими государствами Западной Европы тогдашнего времени⁴⁸.

Колзаков перечислил театры, их оперный репертуар, фиксировал гастролы знаменитых певцов и музыкантов, а также описал Маримонтский (то есть находившийся за Маримонтской заставой Варшавы) лагерь, где собирались обычно войска в летнее время. По его словам, этот лагерь «отличался необыкновенной красотой»:

Полковые, бригадные и дивизионные командиры развели вокруг своих барачных изящные сады, где <...> виднелись статуи и красивые беседки; <...> командиры войск устраивали, по воскресным и праздничным дням, пиры, на которые стекалась обыкновенно вся блестящая молодежь столицы и цвет лучших красавиц. Музыка гремела повсюду и танцы продолжались далеко за полночь, при блестящей иллюминации, и оканчивались фейерверками, — все это приманивало громадную массу публики, так что маримонтский лагерь служил постоянным гульбищем для жителей Варшавы. <...> Как войско Аннибала, очарованное в стенах Капуи, с беспечною предавало всем прелесть веселой жизни, так и русское воинство в Варшаве, прельщенное и ослепленное, утопало в наслаждениях чувственных, не заботясь о будущем и не думая вовсе, что могут настать когда-нибудь и худшие времена⁴⁹.

⁴⁸ [Колзаков К. П.] Воспоминания. С. 425–428.

⁴⁹ Там же. С. 443.

Так же восторженно описал Варшаву и Алексей Алексеевич Одинцов (1803–1886), выпущенный в чине прапорщика из кадетского корпуса в лейб-гвардии Литовский полк. Он, как и большинство русских, отмечал ее пейзажи и климат: «С наступлением весны Варшава, с ее прекрасными садами и роскошными тополевыми и каштановыми аллеями, показалась мне прелестною»⁵⁰. Дослужившийся к концу военной карьеры до чина генерала, Одинцов пользовался особым расположением великого князя Константина Павловича. В течение долгой жизни он вел дневник, делал заметки «о текущих общественных и служебных событиях», а в 1878 г., уже в преклонном возрасте, взялся за их обработку, в результате чего сложились «Записки», опубликованные посмертно в «Русской старине». Службу в Варшаве, в том числе в должности батальонного адъютанта, Одинцов воспринимал как период формирования личности, активного самообразования. Он много читал, в том числе сочинения Вольтера и Монтескье, занимался переводами. По просьбе выдающегося польского писателя и общественного деятеля Юлиана Урсына Немцевича (1757–1841) — уже сам факт его общения с молодым русским офицером говорит о достаточном уровне образования последнего — Одинцов, по его собственному свидетельству, составил по-французски краткое обозрение русской литературы за предшествующие сорок лет.

Одинцов, как он пишет, сам принадлежал к полковой интеллигенции. По его словам, общество офицеров лейб-гвардии Литовского полка отличалось «либеральными мнениями александровских времен и полным сознанием своего достоинства как корпорации. <...> Все вообще были пылкими сторонниками парламентаризма»⁵¹.

Он даже перечислил по памяти ту самую «интеллигенцию полка», приведя около сорока фамилий. Сам офицер настолько хорошо овладел польским, что посещал некоторые лекции в Варшавском университете, в том числе курс словесности профессора Людвика Осиньского (1775–1838). По его словам, «Осинский был великолепный чтец и лекции его привлекали все интеллигентное общество Варшавы»⁵².

⁵⁰ [Одинцов А.А.] Посмертные записки А.А. Одинцова, генерала от инфантерии // Русская старина. 1889. № 11. С. 314.

⁵¹ Там же. С. 314–318.

⁵² Там же. С. 318–319.

Вспоминал Одинцов любимые места его полковых товарищей: варшавские палисадники и кондитерские, в частности, «цукерню (кондитерскую) швейцарца Лурса», которая давала им возможность читать европейские журналы. Он также свидетельствовал, что «жители из поляков не имели большого желания сближаться с русскими офицерами, а они, в свою очередь, не искали этого сближения и потому довольствовались только общественными удовольствиями, театрами, концертами в публичных садах, прогулками и своим обществом»⁵³.

Николай Викторович Веригин (1796–1872), также служивший в Литовском полку, писал о собраниях офицеров на своих квартирах и беседах на серьезные политические и литературные темы. По его словам, «большая часть офицеров не искала знакомства с польскими дворянскими домами»⁵⁴. Что касается «столицы Польши», то она, как и «столица Литвы», которую он назвал «ополяченной Русью», «наружным видом своим после Петербурга» сначала показалась офицеру очень некрасивой⁵⁵. Однако впоследствии его мнение изменилось. Веригин, рассказывая о времяпрепровождении русских офицеров, с удовлетворением отмечал, что около Варшавы было много мест для прогулок, куда ездили в выходные дни польские и русские офицеры — верхом либо в экипажах. Любимым их местом был «Красинский сад» (сад Красиньских, расположенный при дворце Красиньских, который в описываемое время выполнял государственные функции). Не столь многолюдным в праздники был Саксонский парк, примыкавший к дворцу Брюля, где какое-то время жил великий князь. Любопытно, что, по словам Веригина, русские по воскресеньям посещали католическое богослужение в костеле католического учительствующего ордена пиаров и после окончания мессы отправлялись на гулянье. Обращали на себя внимание офицера особенности городской жизни. Так, Веригин описал экзотический в его глазах «приятельский бал», где простые люди («польские унтер-офицеры, прислуга разных господ, мужская и женская») «лихо отплясывали мазурку». Отмечая отсутствие чего-либо подобного в России, он удивлялся народной «удали в танцах»⁵⁶.

⁵³ [Одинцов А.А.] Посмертные записки А.А. Одинцова. С. 319, 314–315.

⁵⁴ Веригин Н.В. Записки // Русская старина. 1892. № 11. С. 303.

⁵⁵ Там же. № 10. С. 64.

⁵⁶ Там же. С. 67.

Иван Самойлович Ульянов (1803–1874), казачий офицер, находившийся при штабе великого князя Константина Павловича (свою службу в Царстве Польском он начал рядовым казаком в 1820 г.), сравнивал Варшаву того времени с «утихнувшим вулканом», «от незапамятных времен производившим гибельные извержения смут и крамол»⁵⁷. Это неудивительно, ибо его наиболее известные записки посвящены варшавскому революционному взрыву 1830 г. Восстание и пребывание в польском плену побуждали Ульянова к умозаключениям по поводу отношений поляков и русских и политики России в Царстве Польском. Он отмечал «врожденную, так сказать, ненависть поляков ко всему, что носит имя русского, и упорное предубеждение, что Россия находится в самом необразованном состоянии», а с другой стороны, их живую память об участии покоренной Праги, «получившей справедливое воздаяние за варварский поступок в Варшаве с русскими в упомянутом [1]794 году»⁵⁸.

Архивное наследие И. С. Ульянова в связи с польской темой тщательно исследовал А. Ю. Перетяцько в недавних работах⁵⁹. В архиве донского казака ученый нашел, в частности, любительские переводы из Адама Мицкевича (статьи «О критиках и рецензентах варшавских» (1829 г.), нескольких лирических стихотворений), а также из «Разговоров в царстве мертвых» известного польского поэта эпохи Просвещения Игнация Красицкого (1835–1801). Характерно, что для перевода из Красицкого Ульянов избрал в том числе диалог между польскими королями Болеславом Храбрым и Казимиром Великим, что свидетельствует о его интересе к польской истории и ее урокам.

Можно сделать вывод, что служба в Варшаве стимулировала многих офицеров задуматься об исторических отношениях России и Польши, интересоваться польской историей и литературой, возвратившись к этим темам уже значительно позже их пребывания

⁵⁷ Записки И. С. Ульянова. <Часть 1> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск: Част. дон. тип., 1901. Вып. 2. С. 64.

⁵⁸ Там же. С. 64, 70.

⁵⁹ Перетяцько 2019; Перетяцько, Селезнева 2023; Автобиографические, критические и публицистические сочинения генерал-майора Ивана Самойловича Ульянова, донского казака и казакомана, писанные им в 1820–1870 годы / сост. А. Ю. Перетяцько. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2025. 404 с.

в Царстве Польском. Многие из них продолжали следить за событиями в Польше, высказывать свое мнение по этому поводу. Распространенным, в частности, было обращение к теме польского национально-го характера и процветанию Польши под скипетром России.

То же можно сказать и о богатом литературном наследии Петра Андреевича Вяземского, стоящего, однако, особняком. Его польские контакты развивались в сфере высшего общества — аристократии и интеллектуальной элиты. Говоря «Варшава», поэт всякий раз подразумевал именно этот круг, среди которого он мог бы найти достойных собеседников. Польские литературные и дружеские контакты Вяземского наиболее исследованы. Тем не менее обширная переписка Вяземского — тот уникальный материал, который дает возможность проследить его меняющееся отношение к Польше и полякам по мере расширения контактов, привыкания к местной жизни, сближения с польским светским обществом.

Сначала Вяземскому не очень везло, вживание в польское общество проходило трудно (надо учесть к тому же иронический, порой саркастический стиль описания его новой среды общения). Вскоре по приезде — в апреле 1818 г. — обещая А.И. Тургеневу со временем описать Варшаву (это обещание так и не было выполнено), он заключил: «До сей поры называю ее европейскою Костромою»⁶⁰. Этим Вяземский подчеркнул второсортность польской культуры в европейском масштабе, ее вторичность. Мотив неоригинальный, чрезвычайно распространенный в текстах разных жанров до наших дней. Так, современнику Вяземского Владимиру Сергеевичу Печерину (1807–1885), западнику, эмигрировавшему из России в 1836 г. и перешедшему в католичество, в принесших ему известность «Замогильных записках» поляки виделись «носителями европейского провинциализма»⁶¹. Также и советские писатели, по словам современной исследовательницы Кристины Воронцовой, фокусировались на «квазиевропейскости» Польши как на комплексе ее отличительных черт⁶². На высшей точке интереса к Польше, в эпоху хрущевской оттепели, эта страна, напротив, высоко оценивалась поэтами-шестидесятниками как «ближайшая станция европейской цивилизации» (выражение Давида Самойлова).

⁶⁰ Остафьевский архив. Т. 1. С. 98–99.

⁶¹ См.: Лескинен 2004: 177.

⁶² Воронцова 2022: 73.

Проблема польского европеизма в контексте национального автопортрета также по-разному осмыслялась и осмысливается польскими мыслителями и мастерами художественного слова⁶³.

В случае Вяземского акцент на теме провинциализма Варшавы объяснялся еще и тем, что она была первым заграничным городом, который ему довелось увидеть. Вяземский еще толком не знал Петербурга и стремился в Европу: в письме от 27 июня 1819 г. он сообщал:

Если решительно придется отказаться мне от Петербурга, то не утерплю и сбегаю на досуге, до приезда государя, в Дрезден, Вену или Берлин посмотреть на белый свет и отдохнуть от черной тьмы⁶⁴.

Находясь в Варшаве осенью 1818 г., он писал:

Успехи ума, искусства, художества — все это не здешних полей ягоды. Нечего смотреть, нечему учиться; все это под спудом. Литература в каком-то школьническом ребячестве; поэзия — в полустушиях; политика — в гамбургских газетах; народная слава — в воспоминаниях; красота — в семидесятих годах, то есть дворянская; мещанская и современная — на улицах. <...> Начало портрета сбивается на Россию, но Польша заснула, а Россия не проснулась⁶⁵.

Не впечатлял Вяземского и сам облик города: «почти единственным украшением» Варшавы назвал он примыкающие к ней аллеи (то есть улицы, ведущие за город). Опроверг он и представление о так называемой варшавской роскоши, считая его устаревшим: «не только роскоши не видать, но напротив кое-где видны скудость и бедность, и неумение жить»⁶⁶.

Стоит отметить, что Вяземский любил патриархальную Москву и то изысканное общество, тот круг (не забудем, что поэт был членом литературного общества «Арзамас»), который удовлетворял его интеллектуальные и творческие запросы. Он часто писал о «варшавской скуке» («я зеваю при одной мысли о Варшаве»⁶⁷), «варшавской пыли». Зато энтузиазм вызвала у него поездка в Краков:

⁶³ См., например: Janion 2000; Мочалова 2004.

⁶⁴ Остафьевский архив. Т. 1. С. 257.

⁶⁵ Там же. С. 148.

⁶⁶ Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову // Русский архив. 1879. № 4. С. 504, 510.

⁶⁷ Остафьевский архив. Т. 1. С. 147.

[С]тарик-Краков напомнил мне о старушке-Москве. Те же почтенные седины древности, то же добродушие, то же гостеприимство. Меня там на руках носили. Не принимаю всех ласк единственно на себя, но более в знак признательности республики к нашему государю и ненависти ее к пруссакам и австрийцам. Вообще там русских любят. Окрестности Кракова прекрасны. <...> Подышавши свежим воздухом, еще более скучаю в этой варшавской темнице⁶⁸.

О «варшавском лучшем обществе» Вяземский довольно подробно сообщал своим корреспондентам. Так, он писал близкому приятелю, в то время служащему по дипломатической части Александру Яковлевичу Булгакову (1781–1863):

Здесь много умных и просвещенных людей, но любезных, кажется, мало; у них покойно, но все еще неясно на душе, и следы претерпленных ими бедствий такое долгое время везде приметны⁶⁹.

Сначала поэт жаловался на то, что ему трудно общаться с дамами в обществе, да и вообще приходится говорить словно «в говорную трубу» «с людьми, в нарочитом отдалении находящимися», которые «иногда вам не отвечают»⁷⁰.

Однако тон высказываний Вяземского о Варшаве резко изменился после того, как ему пришлось ненадолго съездить в Москву. По возвращении в Польшу поменялось представление поэта о варшавском высшем свете, он стал находить его более интересным, начал восхищаться высокоразвитым там искусством салонного общения. Теперь он был доволен, что местом его службы стала столица Царства Польского: «В Варшаве, по крайней мере, европейское молчание, и в воздухе человеческое дыхание». Угнетало его лишь отсутствие близких друзей, и он подытожил: «в Варшаве не уживается мое сердце, а в Москве — мой ум»⁷¹.

Вяземский оказался способным анализировать и преодолевать свои предубеждения, проникаться интересами варшавского общества и даже патриотическими стремлениями поляков. Так, его вдохновил парк Лазенки:

⁶⁸ Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову. С. 512.

⁶⁹ Там же. С. 505, 510.

⁷⁰ Остафьевский архив. Т. 1. С. 145–146.

⁷¹ Там же. С. 181.

Я вчера ехал один из шумной Багатели через уединенную, сумрачную рощу Лазенки: сей одинокий, неосвещенный замок, сие опустение явили мне судьбу сей разжалованной земли, сего разжалованного народа. Я часто размышлял о участи Польши, но злополучия ее всегда говорили уму моему языком политической необходимости: тут в первый раз Польша сказалась мне голосом поэзии. Я ужаснулся! И готов был воскликнуть: Государь, восставь Польшу!⁷²

После польского революционного взрыва 1830 г. рассуждения о процветании Варшавы в эпоху конституционного Царства Польского стали особенно актуальны в русской мемуаристике. Выводы о «черной неблагодарности» поляков словно написаны под копирку. Приведем лишь высказывание княгини Надежды Ивановны Голицыной, вместе с мужем и ребенком отступавшей из Польши с отрядами великого князя Константина Павловича:

Вот так мы покинули Варшаву, ту самую Варшаву, о которой отечески в течение шестнадцати лет заботился Цесаревич, его любимое местопребывание и цветущую столицу когда-то бедной и несчастной, а теперь, благодаря его заботливости, благоденствующей и богатой страны, хорошо управляемой и внушавшей зависть даже своим соседям-литовцам. <...> Благодаря организации полезных работ, край вскоре обрел вид полного благополучия: торговля процветала, поля обрабатывались как следует, и мирные сельские жители чувствовали себя покойно под защитой русского правительства. Пути сообщения стали вполне доступны, благодаря проложенным среди песков шоссе; на хорошо содержимых дорогах всюду были выстроенные почтовые станции. Много создавалось фабрик, возникли прекрасные казармы, Арсенал, чудесные, у самых ворот столицы, сады, красиво распланированные, все в цветах, вновь проложенные улицы, и надо всем этим — 40 тысячная армия, артиллерия в 100 орудий и три вполне оборудованных крепости. Все это было плодом шестнадцатилетнего мира и трудов, положенных Россией, и все это должно было в одно мгновение обратиться против нас и погрузиться в хаос⁷³.

Безусловно, положительные перемены, о которых писала Голицына и которые, по ее мнению, были перечеркнуты Ноябрьским

⁷² *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848) / сост. В. С. Нечаева. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. С. 45.

⁷³ *Голицына Н. И.* Воспоминания. С. 63–64.

восстанием, являлись заслугой не только России, но и в первую очередь самих польских правящих кругов и продолжением тех процессов, которые начались еще в конце XVIII в. В этом уверен современный польский историк и искусствовед Миколай Гетка-Кениг, связывающий трансформацию архитектуры Варшавы с модернизацией публичного пространства в результате бюрократизации и централизации административных структур в эпоху конституционного Царства Польского. Эти процессы выражались не только в увеличении числа правительственных резиденций, но и в таком проекте, как строительство Большого театра в 1825–1833 гг. по проекту А. Корацци, а также таких значительных зданий, предназначенных для общественных организаций, как дворцы Варшавского общества друзей науки или Варшавского благотворительного общества. Исследователь заключает:

В результате Варшава обогатилась рядом зданий в стиле классицизма, универсальная форма которых стала символическим выражением того общественно-политического идеала, которое конституционное Королевство Польское должно было представлять⁷⁴.

Однако в глазах русских преобразование Варшавы и рост ее благосостояния были неразрывно связаны лишь с политикой Александра I и деятельностью великого князя Константина Павловича во время его пребывания в Царстве Польском в качестве фактического наместника. И здесь стоит отметить преемственность картин преобразования Варшавы, запечатленных в эго-документах, с последующими устоявшимися суждениями о благоденствии поляков под скипетром Александра I, характерными для российской историографии XIX в. Образ Суворова, покоряющего Прагу, был также актуализирован в русской поэзии уже в 1831 г. Напротив, образ Варшавы как города удовольствий исчез в российском дискурсе после польских национально-освободительных восстаний 1830 и 1863 гг. и обострения польско-русских отношений. Что касается рассуждений о Польше и ее столице как о европейской провинции, то, как показано выше, они остаются актуальными по сей день.

⁷⁴ Getka-Kenig 2019: 34. См. также: Getka-Kenig 2017.

Литература

- Болтунова 2022 — *Болтунова Е.М.* Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII — начала XIX в. М.: НЛО, 2022. 560 с.
- Воронцова 2022 — *Воронцова К.* Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы // *Tożsamość (w) przestrzeni. Сущность пространства / Пространство Сущности. Studia dedykowane Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi* / pod red. M. Chrząszcz, K. Dubiel, H. Duć-Fajfer. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2022. S. 67–76. DOI: 10.12797/9788381387316.03.
- Каштанова 2008 — *Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников) // *Столица и провинция в истории России и Польши* / сост. Б.В. Носов. М.: Наука, 2008. С. 111–132.
- Лескинен 2004 — *Лескинен М.В.* Миф Европы и Польша в «Записках» В.С. Печерина // *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России* / под ред. М.В. Лескинен, В.А. Хорева. М.: Индрик, 2004. С. 161–181.
- Макарова 2010 — *Макарова Г.В.* Контакты между русскими и поляками в начале XIX в. и их отражение в походных записках русских офицеров (1812–1813 гг.) // *Славянский альманах* 2009. 2010. С. 132–149.
- Мочалова 2004 — *Мочалова В.В.* Миф Европы у польских романтиков // *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России* / под ред. М.В. Лескинен, В.А. Хорева. М.: Индрик, 2004. С. 129–146.
- Перетяцько 2019 — *Перетяцько А.Ю.* Польша и поляки глазами донского казака: мемуарное, публицистическое и литературное наследие И.С. Ульянова, офицера штаба великого князя Константина Павловича // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 42–56.
- Перетяцько, Селезнева 2023 — *Перетяцько А.Ю., Селезнева М.А.* Образ романтической возлюбленной между двумя культурами: попытки перевода любовной лирики Адама Мицкевича казачьим офицером Иваном Ульяновым // *Центральноевропейские исследования*. 2023. Вып. 6. С. 245–272.
- Свирида 2002a — *Свирида И.И.* Варшава глазами русских. Конец XVII — начало XX в. // *Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре* / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2002. С. 85–98.
- Свирида 2002b — *Свирида И.И.* О гедонистической ипостаси топоса Варшавы // *Studia polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева* / отв. ред. В.К. Волков. М.: Индрик, 2002. С. 398–408.
- Серков, Удереvский 1985 — *Серков С., Удереvский Ю.* Писатель, воин, гражданин — Ф.Н. Глинка // *Глинка Ф.Н. Письма русского офицера* [Проза.

- Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма] / сост., вступ. статья, коммент. С. Серкова и Ю. Удереvского. М.: Московский рабочий, 1985. С. 5–25.
- Соколов 2018 — *Соколов А. Р.* Русские в Варшаве в 1813–1815 годах: от Герцогства Варшавского к Царству Польскому // Новый исторический вестник. 2018. № 2 (56). С. 121–138.
- Филатова 2010 — *Филатова Н. М.* Русские и поляки в Королевстве Польском: неудавшийся опыт сближения // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 494–526.
- Филатова 2018 — *Филатова Н. М.* Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40.
- Getka-Kenig 2017 — *Getka-Kenig M.* Architektura i prestiż nowoczesnego urzędu: przypadek budynków ministerialnych w Warszawie, stolicy konstytucyjnego Królestwa Polskiego (1815–1830) // Urzędnicy i urzędy w społeczeństwie XIX wieku / red. A. Kulecka. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. S. 39–52.
- Getka-Kenig 2019 — *Getka-Kenig M.* Rozwój monumentalnej architektury Warszawy na przełomie XVIII i XIX wieku a modernizacja przestrzeni publicznej // Wiek Oświecenia. 2019. T. 35. S. 11–44.
- Janion 2000 — *Janion M.* Do Europy — tak, ale z naszymi umarłymi. Warszawa: Krytyka Polityczna, 2000. 292 s.
- Kulik 2014 — *Kulik M.* Wielki Książę Konstanty Pawłowicz w świetle polskich pamiętników // Wolnomularstwo Narodowe. Walerian Łukasiński / red. W. Sliwowska. Warszawa: Neriton, 2014. S. 89–106.
- Majewski 2009 — *Majewski J.* Warszawa nieodbudowana. Królestwo Polskie w latach 1815–1840. Warszawa: VEDA Agencja Wydawnicza, 2009. 424 s.
- Szczypiorski 1964 — *Szczypiorski A.* Ćwierć wieku Warszawy. 1806–1830. Wrocław: Ossolineum, 1964. 210 s.

References

- Boltunova, E. M., 2022. *Poslednii pol'skii korol': koronatsiia Nikolaia I v Varshave v 1829 g. i pamiat' o russko-pol'skikh voynakh 17 — nachala 19 v.* [The last King of Poland: Coronation of Nicolas I in Warsaw in 1829 and the memory of the Russian-Polish Wars from the seventeenth to the early nineteenth centuries]. Moscow: NLO, 560 p. (in Rus.)
- Filatova, N. M., 2010. Russkie i poliaki v Korolevstve Pol'skom: neudavshiisja opyt sblizheniia [Russians and Poles in the Kingdom of Poland: failed rapprochement experience]. In: Falkovich, S. M., ed. *Pol'sha i Rossiia v pervoi*

- treći 19 v. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo 1815–1830* [Poland and Russia in the first third of the nineteenth century. From the history of the autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830]. Moscow: Indrik, pp. 494–526. (in Rus.)
- Filatova, N. M., 2018. Podkhody k izucheniiu ègo-dokumentov v sovremennoi istoricheskoi nauke v svete “lingvisticheskogo povorota”. In: Kurennai, N. M., ed. *Dokument i “dokumental’noe” v slavianskikh kul’turakh: mezhdu podlinnym i mnimym* [Document and “documentary” in Slavic cultures: between the real and the imaginary]. M.: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 24–40. (in Rus.)
- Getka-Kenig, M., 2017. Architektura i prestiż nowoczesnego urzędu: przypadek budynków ministerialnych w Warszawie, stolicy konstytucyjnego Królestwa Polskiego (1815–1830). In: Kulecka, A., ed. *Urzędnicy i urzędy w społeczeństwie XIX wieku*. Warszawa, pp. 39–52.
- Getka-Kenig, M., 2019. Rozwój monumentalnej architektury Warszawy na przełomie 18 i 19 wieku a modernizacja przestrzeni publicznej. *Wiek Oświecenia*, 35, pp. 11–44.
- Janion, M., 2000. *Do Europy — tak, ale z naszymi umarłymi*. Warszawa: Krytyka Polityczna, 292 p.
- Kashtanova, O. S., 2008. Velikii kniaz’ Konstantin Pavlovich v Varshave v 1815–1830 godakh (po vospominaniiam sovremennikov). In: Nosov, B. V., ed. *Stolitsa i provintsii v istorii Rossii i Pol’shi* [The capital and the province in the history of Russia and Poland]. Moscow: Nauka, pp. 111–132. (in Rus.)
- Kulik, M., 2014. Wielki Książę Konstanty Pawłowicz w świetle polskich pamiętników. In: Śliwowska, W., ed. *Wolnomularstwo Narodowe. Walerian Łukasiński*. Warszawa: Neriton, pp. 89–106.
- Leskinen, M. V., 2009. Mif Evropy i Pol’sha v “Zapiskakh” V. S. Pecherina [The myth of Europe and Poland in the “Memoires” of V. S. Pecherin]. In: Leskinen, M. V., Khorev, V. A., eds. *The myth of Evropy v literature i kul’ture Pol’shi i Rossii* [Myth of Europe in literature and culture of Poland and Russia]. Moscow: Indrik, pp. 161–181. (in Rus.)
- Majewski, J., 2009. *Warszawa nieodbudowana. Królestwo Polskie w latach 1815–1840*. Warszawa: VEDA Agencja Wydawnicza, 424 p.
- Makarova, G. V., 2010. Kontakty mezhdu russkimi i poliakami v nachale 19 v. i ikh otrazhenie v pokhodnykh zapiskakh russkikh ofitserov (1812–1813 gg.) [Russian-Polish contacts in early nineteenth century and their reflection in the memoirs of Russian officers (1812–1813)]. *Slavianskii almanach* [Slavic almanach] 2009, pp. 132–149. (in Rus.)
- Mochalova, V. V., 2019. Mif Evropy u pol’skikh romantikov [The myth of Europe by Polish romantics]. In: Leskinen, M. V., Khorev, V. A., eds. *The myth of Evropy v literature i kul’ture Pol’shi i Rossii* [Myth of Europe in literature and culture of Poland and Russia]. Moscow: Indrik, pp. 129–146. (in Rus.)

- Peretiat'ko, A. Yu., 2019. Pol'sha i poliaki glazami donsogo kazaka: memuarное, publitsisticheskoe i literaturnoe nasledie I. S. Ul'ianova, ofitsera shtaba velikogo kniazia Konstantina Pavlovicha [Poland and the Poles through the eyes of a Don Cossack: the memoir, journalistic and literary heritage of I. S. Ul'ianov, an officer on the staff of Grand Duke Konstantin Pavlovich]. *Slavic World in the Third Millennium*, 14, 1–2, pp. 42–56. (in Rus.)
- Peretiat'ko, A. Yu., Selezneva, M. A., 2023. Obraz romanticheskoi vozliublennoi mezhdu dvumia kul'turami: popytka perevoda liubovnoi liriki Adama Mickievicha kazach'im ofitserom Ivanom Ul'ianovym [The image of a romantic female-beloved between two cultures: The attempts at translating of Adam Mickiewicz' love lyrics by Cossack officer Ivan Ul'ianov]. *Central-European Studies*, 6, pp. 245–272. (in Rus.)
- Serkov, S., Uderevskii, Iu., 1985. Pisatel', voyn, grazhdanin — F.N. Glinka [Writer, warrior, and citizen — Fedor N. Glinka]. In: Serkov, S., Uderevskii, Iu., eds. *Glinka F.N. Pis'ma russkogo ofitsera*. [Proza. Publitsistika. Poeziia. Stat'i. Pis'ma] [Glinka F.N. Letters of a Russian officer. Prose. Political writings. Poetry. Articles. Letters]. Moscow: Moskovskii rabochii, pp. 5–25. (in Rus.)
- Sokolov, A. R., 2018. Russkie v Varshave v 1813–1815 godakh: ot Gertsogstva Varshavskogo k Tsarstvu Pol'skomu [Russians in Warsaw in 1813–1815: From the Duchy of Warsaw to the Kingdom of Poland]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2(56), pp. 121–138. (in Rus.)
- Svirida, I. I., 2002. O gedonisticheskoi ipostasi toposa Varshavy [On the hedonistic hypostasis of the topos of Warsaw]. In: Volkov, V. K., ed. *Studia polonica. K 70-letiiu Viktora Aleksandrovicha Khoreva* [Studia Polonica. To the 70th anniversary of Viktor A. Khorev]. Moscow: Indrik, pp. 398–408. (in Rus.)
- Svirida, I. I., 2002. Varshava glazami russkikh. Konets 17 — nachalo 20 v. [Warsaw through the eyes of Russians. From the late seventeenth to the early twentieth centuries]. In: Khorev, V. A., ed. *Rossia — Pol'sha. Obrazy i stereotipy v literature i kul'ture* [Russia — Poland. Images and stereotypes in literature and culture]. Moscow: Indrik, pp. 85–98. (in Rus.)
- Szczypiorski, A., 1964. *Ćwierć wieku Warszawy. 1806–1830*. Wrocław: Ossolineum, 210 p.
- Vorontsova, K., 2022. Pol'sha v russkoi literature postsovetskogo perioda: obzor problem [Poland in Russian literature of the post-Soviet period: An overview of the problems]. In: Chrzęszcz, M., Dubiel, K., Duć-Fajfer, H., eds. *Tożsamość (w) przestrzeni. Sushchnost' prostranstva / Prostranstvo Sushchnosti. Studia dedykowane Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi*. Kraków: Księgarnia Akademicka, pp. 67–76. doi: 10.12797/9788381387316.03. (in Rus.)

Natalia M. Filatova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334. Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: natalifilatova@yandex.ru

“Capua” and “European Kostroma”. Warsaw from 1813 to the 1820s Through the Eyes of Russians

The subject of research in the article are the characteristic features of the Russian vision of Warsaw, associated with the era of the Russian army's foreign campaigns of 1813–1814 and the establishment of the Polish state under the aegis of Russia in 1815. The bulk of the material consists of ego-documents. Diaries, travel notes, and memoirs of military men who passed through the Polish lands in 1813–1815, as well as those who stayed in the Kingdom of Poland or arrived there to serve after 1815, are examined. Among the latter are officers from the Russian Guards regiments stationed in Warsaw, who, like the Polish army, were under the command of Grand Duke Konstantin Pavlovich, and civilians (primarily Prince Petr A. Viazemsky, who served in the chancellery of Nikolai N. Novosiltsev, the Emperor's personal representative in the administration of the Kingdom of Poland). The picture is completed by the guidebooks published in Russian in 1818–1822, which reflected the official image of a prosperous Warsaw. The focus lies on descriptions of Warsaw, its comparison with other Polish cities, and the correlation of impressions of the Polish capital with general perceptions of Poland. Most notable are the historical precepts about Poland's past and Russian-Polish relations to Warsaw. There is a connection between the images of Warsaw's transformation and the later established judgments about the prosperity of Poles under the sceptre of Alexander I. Assessments of the city through the prism of personal experience and the author's own biography also prove to be revealing. The topics of the enlightenment role of the capital as well as Warsaw as a centre of entertainment and pleasant pastime are most clearly visible in this connection. Warsaw both attracted and repelled Russians, depending on the degree of their incorporation into local life. For example, Petr A. Viazemsky, who at first disparagingly called Warsaw the “European Kostroma”, began to regard it more highly as he became closer to the educated Polish society.

Keywords: Warsaw, Duchy of Warsaw (1807–1815), Congress Kingdom of Poland (1815–1830), Russian-Polish relations in the nineteenth century, ego-documents, Russian memoirs, Fedor N. Glinka, Petr A. Viazemsky

Received: 15 May 2025

Accepted: 24 June 2025

How to cite: Filatova, N. M., 2025. “Капуя” и “европейская Кострома”. *Varshava 1813 – 1820-kh godov glazami russkikh. Central-European Studies*, 8, pp. 13–41. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.1>